

УДК 821. 31 ГОНЧАРОВ

ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И ДОМАШНЕГО ОЧАГА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

© 2008 Н.Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2008

Аннотация: В статье раскрывается мифопоэтический подтекст романа И.А. Гончарова «Обломов», связанный с изображением домашнего очага и семейных отношений Обломова и Агафьи Матвеевны Пшеницыной, Штольца и Ольги. Автор статьи утверждает, что уже в «Обломове» заметно предпочтение писателем образам, осмысленным в языческой традиции, образов, связанных как с язычеством, так и с христианством, что будет характерно для его последнего романа «Обрыв».

Ключевые слова: семья, дом, очаг, огонь, тепло, домовая, хозяйка.

Abstract: The article reveals the mytho-poetic layer of I.A. Goncharov's novel "Oblomov" which is connected with the depiction of home and family relationships of Oblomov and Agafia Matveevna Pshenitsina, Shtolts and Olga. The author of the article states that Goncharov's preference to the pagan tradition in the depiction of the images connected with both pagan and Christian religion is seen even in "Oblomov". This tradition will be characteristic of his last novel "Obryv".

Key words: family, home, household, fire, warm, domestic, housekeeper.

В романе И. А. Гончарова «Обломов» с заглавным героем связаны архетипические образы дома, семейной жизни. Средоточие дома, семьи — это огонь домашнего очага. Илье Ильичу родственна огненная стихия, об этом говорит его имя. По ветхозаветным мотивам, Илья связан с небесным огнем [1]. В народных представлениях Илья-пророк, бог-громовержец или громовик — «могучий, седой старец», который разъезжает на огненной колеснице «из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы... Куда ни появится этот грозный старик, он всюду несет с собой огонь...» [2]. Именно бог-громовержец «послал с неба молнию, возжег ею на земле огонь и устроил первый очаг». «В пламени очага чтили небесный огонь Перуна», — замечает А. Н. Афанасьев. В своей работе «Религиозно-языческое значение избы славянина» он пишет: «Очаг домашний был самое священное место, от него религиозный характер

перешел на все жилище» [3]. Очаг — это начало, объединяющее людей в семью, в сообщество, связанное родственными узами. Представления Гончарова об огне, отразившиеся в романе «Обломов», воскрешают в сознании читателя языческую древность: славяне обожествляли огонь, считали его сыном Солнца, подателя благ и света [4].

Фамилия героя рождает у исследователей творчества писателя множество различных ассоциаций. Её производят от разных слов: «обло», «облый», «облом», «обломок», «сон-обломон» и др. [5]. Учёные не раз указывали и на то, что фамилия героя могла быть образована от слова «облом», то есть «грубый, неуклюжий, мужиковатый человек». В словаре В. И. Даля говорится о том, что этим словом называли и «домового» [6].

Народ представлял домового похожим на немолодого мужика невысокого роста и плотного телосложения [7]. Даль приводит в качестве одного из синонимов к слову «домовой» — «жировик» [8]. Внешность Обломова во многом соответствует этим народным представлениям о домовом:

© Ермолаева Н.Л., 2008

среднего роста, уже не юноша. Гончаров пишет: «...Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка движения или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины» (5–6) [9]. Выбрав себе в жёны Агафью Матвеевну, которую сам назовёт «бабой», Обломов сравнивается с мужиком. Сама же героиня может быть названа «домовой», то есть она «стряпуха, хозяйка у печи и стола в крестьянском доме» [10], и в этом смысле она действительно «баба».

В народном сознании «домовой» связан с домом и очагом. Афанасьев говорит об этом так: «Само название домового уже показывает, что это пенат — охранитель дома, каким в первоначальной форме являлся очаг. <...> Тождество домового с очагом доказывается многими дошедшими до нас поверьями и обрядами...» [11]. «Домовой, мифический образ огня, принял на себя всё религиозно-языческое значение последнего; он явился благотворным пенатом, охраняющим счастье дома и живущей в нём семьи, блюстителем её интересов и защитником её благосостояния». Домовой «служит хозяину и его семье, ровно в кабалу попал» [12].

Заметим, что все эти характеристики имеют непосредственное отношение к Обломову. Воспитанный у родного очага в Обломовке, «переходя в течение двадцати лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых», герой с детства проникнут семейным началом, связан с домом и очагом. В доме собственных родителей он был центром мира, вокруг него строилась и вращалась вся жизнь в Обломовке. Ему служили все её обитатели, от родителей до приживалок и слуг. В своих мечтах Илья Ильич вновь и вновь возвращается в Обломовку, он не мыслит жизни и счастья без семьи, домашнего очага, сытных и вкусных завтраков, обедов, полдников, ужинов... Такая «норма жизни была готова и преподана... родителями, а те приняли её, тоже готовую, от бабушки, а бабушка от прабабушки, с заветом блюсти её целостность и неприкосновенность, как огонь Весты» (126).

Обломов поселяется в доме Пшеницыной не по своей воле, а именно потому, что «в кабалу попал»: его принуждают к этому Мухоморов и Тарантьев, составившие кабальный договор аренды. В словарной статье у Даля читаем: «Домовик, влгд, влазень, привал, приёмш к дочери, призяч ный» [13]. Братец Агафьи Матвеевны действительно хотел бы заполучить Обломова в зятя, «призятить». Долговая расписка им и Тарантьевым составлена именно с этой целью. И Обломов действительно станет мужем хозяйки дома и зятем Ивана Матвеевича.

В доме на Выборгской стороне Илью Ильича как будто ждали: задолго до его появления здесь каждый год праздновали Ильинскую пятницу. Только его, мужчины, мужа, главы семейства, не хватало в этой семье, где есть женщина, дети, бабушка, братец, прислуга... Жизнь героя на Гороховой улице не предполагала очага. Обед не варился на огне, а подавался готовым: Захар приносил его в своих грязных руках из трактира. Хозяйка же этого дома служит герою как домовому, подавая хлебные припасы: пироги, ватрушки. И, конечно же, не случайно Агафья Матвеевна становится «добрым» «Божьим даром» Обломову [14], она носит «хлебную» фамилию Пшеницына и сравнивается с ватрушкой. Всё это прямо указывает на «генетическую» зависимость героини от Ильи Ильича: небесный заступник отца и сына Обломовых Илья-пророк воспет славянами как «покровитель урожая и плодородия, сеятель, жнец и податель благ... С Ильина дня начинали жатву... или заканчивали уборку... «Петр с колоском, Илья — с пирогом», — говорит народ» [15].

Домовой — покровитель домашнего хозяйства, скота и птицы. Для дома на Выборгской стороне это необходимо: Агафья Матвеевна разводит и продает кур. Петух же в народном представлении является символом огня и плодородья [16].

В доме Агафьи Матвеевны горит огонь очага, тот самый «огонь Весты», какой горел в родном доме Обломова, а хозяйка исполняет при нём роль служительницы, хранительницы очага. В образе богини Весты римляне особенно подчеркивали ее светоносную чистоту. Именно за опрятность любит и ценит Обломов Агафью Матвеевну. «...Агафья Матвеевна — сама опрятность!» (454), — говорит он о ней. Героиня даже по-своему целомудренна, хотя и имеет детей: она не испытывает, как Ольга, порывов страсти даже и тогда, когда Обломов целует её.

Близость героини Весте подтверждает и еще одно обстоятельство: в Риме и Тибуре (Тиволи) в честь этой богини были построены круглые храмы [17]. В доме Агафьи Матвеевны жизнь движется изо дня в день по кругу, и героиня счастлива такой жизнью. Живущие в солнечном круге герои сами тяготеют к округлости: полн и кругл Обломов, пополнила Агафья Матвеевна, даже предметы в этом доме круглые: в кухне — пузатые и миниатюрные чайники, чашки, банки, судки, в столовой — круглый стол, в кладовой — головы сахару, кадки, корчаги, корзины... Служение огню и служение Обломову для героини сливаются в одно.

И Обломов сразу же привязывается к дому Агафьи Матвеевны, с большой неохотой отлучается из него. Здесь он находит всё, что напоминает деревню: тишина, «строгий порядок» и «славный кофе», треск канареек и чижей, кудахтанье наседки, пироги с цыплятами и свежими грибами... На Выборгской стороне для героя мечта и жизнь совпали.

Несомненно, Обломов — добрый домовый, который приносит в дом на Выборгской стороне счастье и радость: он покупает гостинцы всем обитателям дома, занимается уроками с детьми Агафьи Матвеевны, играет с ними. Именно он обеспечит будущее этих детей: благодаря доходам с его Обломовки они выучатся и благополучно устроятся в жизни.

В служении Обломову, в движении вокруг него Агафья Матвеевна видит теперь единственный смысл своего существования: когда он «был мрачен, едва говорил с ней, не заглядывал к ней в комнату, не интересовался, что она делает, не шутил, не смеялся с ней — она похудела, на нее вдруг напал такой холод, такая нехоть ко всему <...> Но только Обломов ожил, только появилась у него добрая улыбка, только он начал смотреть на нее по-прежнему ласково, заглядывать к ней в дверь и шутить — она опять пополнела, опять хозяйство ее пошло живо, бодро, весело <...> бывало, она движется целый день, как хорошо устроенная машина, стройно, правильно, ходит плавно... наметет кофе, наколет сахару, просеет что-нибудь, сядет за шитье, игла у ней ходит мерно, как часовая стрелка» (394–395). Символика круга, колеса как мироздания просматривается и в фамилии хозяев Обломовки: в ней слышится слово «обло», что означает «круглый». И Агафья Матвеевна счастлива жизнью в круге: «Лицо ее постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и без желаний, следовательно редкое и при всякой другой натуре невозможное» (492).

Агафья Матвеевна до конца исполнит свой долг перед домом и очагом. Когда Обломов зовет её к другому очагу, в Обломовку, она отказывается: «Здесь родились, век жили, здесь и умереть надо» (401). После смерти Обломова она остается в доме, при очаге. Теперь как хранительница очага героиня особенно остро ощущает свою связь с умершим мужем, она проторила тропинку к его могиле. «Почитание предков связано с огнем» [18], — пишет Афанасьев.

Однако почитание Обломова в доме Агафьи Матвеевны — это не только почитание домового, огня, но и почитание солнца [19]. Именно солнце покровительствует Илье [20]. В четвертой части романа автор прямо называет героя «светило мира», «солнце». Образ света постоянно сопутствует Обломову. Описывая внешность героя в начале романа, автор говорит: «...во всем лице теплился ровный свет беспечности. <...> ...душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке...» (5).

Илья Ильич «освещает» жизнь Агафьи Матвеевны. Он появляется в её доме как божество, сошедшее с неба, как то солнышко, которое славяне призывали к себе в дом: «Солнышко ты привольное, взойди на мой двор». «Славяне верили, что в избе может присутствовать вся благотворная сила природы», о чём пели в старинных песнях:

Чудо в тереме показалось:

На небе солнце, в тереме солнце,
На небе месяц, в тереме месяц,
На небе звёзды, в тереме звёзды,
На небе заря, в тереме заря —
И вся красота поднебесная [21].

С Обломовым в доме на Выборгской стороне поселяется солнце. Когда он впервые появляется здесь, встретивший его сонный мужик в тулупе загоразивает «рукой глаза от солнца» (307). Теперь в окна дома Агафьи Матвеевны «с утра до вечера бил радостный луч солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую» (491). Постепенно Обломов занимает то место, которое как бы предназначено ему самой природой: он неподвижен, и он в центре мира. Жизнь его, как и в Обломовке, движется по кругу: зима — весна — лето — осень.

Появление Обломова вносит в жизнь на Выборгской стороне смысл и поэзию. Для Агафьи Матвеевны Обломов «сияет, блещет». Сама она «сияет» в лучах солнца-Обломова, она почитает героя как крестьяне почитали Бога (кстати, Илья означает «крепость Господня или Бог мой Иегова» [22]. Удвоение имени в отчестве как бы свидетельствует о генетической связи героя с Богом). О чистой, светлой, честной душе героя говорит Штольц, сравнивающий его сердце с золотом, то есть с «солнечным» металлом.

Гармония живет в доме на Выборгской стороне, только пока светит ему солнце «золотого сердца» Обломова. После смерти героя мир этот погружается во тьму: «Пустая улица, ведущая к дому Пшеницыной, обстроилась дачами, между которыми возвышалось длинное, каменное казенное здание, мешавшее солнечным лучам весело бить в стекла мирного приюта лени и спокойствия» (505).

Солнце-Обломов исполнил самую главную свою функцию на земле — он посеял семена, которые дали хорошие плоды. Такова роль солнца в отношении к земле в народном понимании: союз неба и земли — это союз супружеский, в котором небо выступает в качестве мужской, плодотворяющей силы. Обломов оставил после себя сына, а кроме этого — неизгладимый след в душах многих героев: Ольги, Агафьи Матвеевны, Штольца, Захара... Под влиянием любви к Обломову преобразается Ольга: как под лучами горячего солнца созревает каждый плод, так и Ольга, по наблюдению Штольца, «созрела», «развилась». О духовном преображении Агафьи Матвеевны автор говорит: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила

не напрасно...» (509). В героине просыпается ум, чувство собственного достоинства, гордость, она становится личностью. Агафью Матвеевну, как и Ольгу, преобразует любовь к Обломову. Это чувство воспето Гончаровым как завершающее формирование человека, как благодать Божья.

Однако при описании жизни Обломова на Выборгской стороне автор позволяет себе юмористическую, а иногда и ироническую интонацию в отношении к тому «любовному огню», который вспыхивает между Обломовым и вдовой Пшеницыной: «...он подвигался к ней, как к теплему огню, и однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мере, до вспышки» (400). В другом фрагменте текста обнаружим: он сближался с ней, «как будто подвигался к огню, от которого становится все теплее и теплее, но которого любить нельзя» (399). Причина авторской иронии ясна: для обоих героев ближе и понятнее, роднее огонь очага, но не любовный огонь. И всё-таки подобного рода насмешки ставят под сомнение серьёзность авторской симпатии и к домашнему очагу, к огню Весты. Вспомним «Обыкновенную историю», в которой домашний очаг — это исключительно принадлежность деревенской жизни, патриархального уклада, уходящего в прошлое. Такому «странному», очевидно противоречащему народному пониманию отношению Гончарова к огню домашнего очага можно найти объяснение, видимо, в том, что почитание очага, вращение вокруг него ассоциируется в романе с дохристианским, языческим образом жизни. Так живет не приобщенная к книжной культуре часть населения России. Так живет Обломов на Выборгской стороне. Автор осуждает героя за отказ от желаний, от жизни, полной мысли и движения, за предпочтение ей прозябания, за напрасную потерю времени и сил. В авторских оценках героя проявилась своеобразная «тенденциозность» Гончарова-художника, стремившегося соответствовать «деловому» духу своего века. Эта «тенденция» противоречит художественному чувству писателя, об органичности которого говорили еще его современники — В. Г. Белинский, Н.А. Добролюбов.

Актуален в романе образ огня и в отношении к Ольге и Штольцу. Для Ольги огонь — стихия родственная: ее фамилия происходит от имени Илья, имени бога-громовержца. Планета, которой принадлежит Ольга, — Луна, одно из обожествляемых славянами небесных светил. Имя Ольга означает «святая, светлая» [23]; «стихия ее была свет», — пишет о ней Гончаров. Обломов даже готов принять ее за солнце, он преобразуется рядом с ней и какое-то время «вращается» вокруг Ольги. Пока в душе героини горел чистый огонь

любви, она принадлежала солнечному миру. Но в отношениях с Обломовым Ольга все больше и больше испытывает чувство неудовлетворенности, постепенно лицо ее начинает затуманиваться думой. Она как бы ощущает свою «лунную призванность». Г. Бидерман пишет: «Солнечный свет есть непосредственное познание, лунный свет, напротив, познание рефлектирующее, осуществляемое через умозрение» [24]. Именно разум мешает теперь Ольге любить Обломова, но разум же сближает героиню со Штольцем.

Имя Андрей как бы во всем противоположно по психоэмоциональному впечатлению имени Илья. Илья — имя женственное, его носитель — человек мягкий. О фамилии героя Г. Гачев пишет: «Обломов (абломаф) = «а — о — а», вода и «бл» — влага, глубь — баба» [25]. И Ольга удивляется в Обломове тому, что не свойственно обычно мужчине, — нежности, голубиной кротости. Андрей же означает «мужественный» [26]. Андрей «упорен, изобретателен, обладает развитым интеллектом», он «верный друг, пламенный возлюбленный» [27]. «Зоркий взгляд» — вот авторская характеристика героя в романе. Андрей Первозванный был покровителем русской государственности.

Образ Андрея Штольца тоже связан с огнем. По свидетельству А. Балова в работе «Святой Андрей Первозванный и Святая Екатерина в народных верованиях», языческий Перун трансформировался не только в Илью-пророка, Георгия Победоносца, но и в святого Андрея Первозванного [28]. Интересный факт приводит А. Л. Топорков: «В Ровенском уезде полагали, что огни различаются между собой и имеют свои имена, например, один из огней именуется Андреем» [29]. Однако в романе с героем, как и с Ольгой, чаще оказывается связан не образ огня, а образ света.

Источником света, который несут герои, не является то солнце, которое светит Обломову. Ольга боится жизни в круге: такая жизнь приводит к духовному сну. Ольга и Штолец живут при лунном свете. Ночью происходит объяснение между ними, связан с ночью и сон Ольги о счастье, воспоминания о голубой ночи в Швейцарии будут сопутствовать ей всю ее жизнь. В жизни героев есть Свет, который не рассматривается христианством как эманация Солнца. «В рассказе о творении в Книге Бытие разделение света и тьмы является первым божественным проявлением, в то время как Солнце и Луна только позднее просто как «светила» водружаются на небосвод — очевидно, здесь налицо стремление сознательно отличить религиозный мир идей от почитания солнечных богов у окружающих «языческих» народов» [30], — пишет Бидерман. Думается, что это обстоятельство объясняет, почему из мира романа вместе с образом Обломова уходит и образ солнца, а образ

огня все больше заменяется образом света: Гончаров как бы постепенно освобождает мир своего произведения от тех символических образов, за которыми просматривается языческая древность. Вместе с Обломовым они остаются в прошлом. Обломов родом из полуязыческой Обломовки, почитание им Солнца, домашнего очага близко почитанию этого светила язычниками. Тот свет, который горит в жизни Ольги и Штольца, — не свет очага. Они стали мужем и женой, но в их доме как бы и не предполагается очаг. Его не было и в доме родителей Штольца, и в доме, где воспитывалась героиня. (Интересно в связи с этим указать на то обстоятельство, что круг лиц в доме Ольги и Штольца ограничен только двумя этими персонажами, здесь нет ни родственников, ни друзей, ни слуг, о детях лишь упоминается, тогда как обломовское существование немыслимо без круга близких людей, без многочисленных приживалов и приживалок, которые кормятся от общего обломовского пирога. Можно в связи с этим вспомнить противопоставление во «Фрегате» англичанина и русского сонного барина, за счёт которого, благодаря его доброте и щедрости, кормится множество людей.)

Для Ольги и Штольца, за которыми в романе будущее, главной жизненной опорой становится христианство [31]. Как истинный христианин Штолец дважды в романе выводит Ольгу из тьмы сомнений и заблуждений, из хаоса и тумана на свет: сначала при их встрече в Париже, потом, через несколько лет после свадьбы, когда Ольга вопрошает «жизнь о ее тайне». Желание героини, вопреки воле Бога, заглянуть за пределы того, что дано знать человеку, является в романе в образе Прометеева огня, о котором говорит Штолец. Он называет грусть, душевное томление Ольги «расплатой» за этот огонь. Человек не должен вопрошать жизнь о ее тайне, иначе можно накликают беду, сгореть в огне сомнений и тревог. И Ольга отказывается от таких, в основе своей противных христианской точке зрения, порывов. Ольга — послушная ученица, для нее благотворны уроки мужа, Штолец исполняет при ней ту роль, которая отведена мужу: он является руководителем и учителем при жене.

Когда автор говорит о сомнениях Ольги, о ее тайном душевном томлении, в романе появляются образы «хаоса», «темноты», «тумана». «Хаос» необходим автору для того, чтобы утвердить торжество того «космоса», который Штолец творил для Ольги, того света, которым он освещал этот «космос». И в этом тоже Штолец христианин.

Ольга для Штольца — олицетворенный огонь жизни. Но главное в отношениях героев не пожар любви, а свет разума. Когда Гончаров пишет о разуме Ольги и Штольца, он, конечно, имеет в виду тот разум, о котором говорят святые отцы

Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский. Б. П. Вышеславцев пишет об этом так: «В чем заключается образ Божий в человеке? Не в теле, конечно, а в душе, и не в животной душе, а в разумной: ум, логос, дух — вот что богоподобно в человеке. Таково с самого начала общее убеждение Церкви <...> Бог есть умный свет, светильник ума, а человеческий ум озаряется от первообраза Света» [32]. Гончаров выражает в романе убеждение в том, что свет разума — это свет благодатный, он поможет героям разрешить все их сомнения.

В эпизодах, рассказывающих о жизни Ольги и Штольца, исследователи не случайно отмечают совершенно иную, чем во всем романе, стилистику [33]. Переход Гончарова к новому стилю, обнаружившему себя в «Обрыве», произведении с очень сильным и проявленным религиозным подтекстом, обозначится уже в последней части «Обломова», в рассказе «Два случая из морской жизни». Проследивая движение образной системы в этих произведениях, можно совершенно уверенно сказать о том, что Гончаров все чаще высказывает своё ироническое отношение к образам, отражающим языческое сознание, и все больше отдаёт предпочтение образам, символизирующим сознание христианское и по преимуществу русское. В «Обрыве» это образы Веры, обрыва, берега, Волги, бабушки, России и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянская мифология. — М., 1995. — С. 205.
2. Максимов С.В. Литературные путешествия / С.В. Максимов. — М., 1986. — С. 347.
3. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина / А.Н. Афанасьев // Мифы древней Волги. — Саратов, 1996. — С. 380.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. — М., 1994. — Т. 1. — С. 65; см. также: Славянская мифология. — М., 1995. — С. 284-285.
5. См. об этом: Лошиц Ю. Гончаров. М., 1986. С. 182; Гейро Л.С. Роман И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов. Л., 1987. С. 527-551; Тирген П. Обломов как человек-обломок // Рус. лит. 1990. № 3. С. 18-33; Орнатская Т.И. «Обломок» или Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) // Рус. лит. 1991. № 4. С. 229-230.
6. Даль В.И. Толковый словарь. В 4 т. — Т. 2. — М., 1989. — С. 593.
7. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина / А.Н. Афанасьев. — С. 383.
8. Даль В.И. Указ соч. — Т. 1. — С. 466.
9. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 4. — М., 1972. Здесь и далее при цитировании романа «Обломов» в скобках указаны страницы.

10. Даль В.И. Указ соч. — Т. 1. — С. 466.
11. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина / А.Н. Афанасьев. — С. 383. Курсив в тексте везде авторский.
12. Там же. — С. 384, 385.
13. Даль В.И. Указ соч. — Т. 1. — С. 466.
14. В Житиях Святых значение имени Агаѳіа толкуется как «добрая», а имени Матѳіа как «Божий дар» (Житиях Святых. М., 1999. С. 689, 680).
15. Славянская мифология. — С. 206.
16. Там же. — С. 307.
17. Радциг С.И. Введение в классическую филологию / С.И. Радциг. — Изд. МГУ, 1965. — С. 441.
18. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. — Т. 2. — С. 13.
19. Об образе солнца в романе «Обломов» см.: Ермолаева Н.Л. Солярно-лунарные мифы в романе И.А. Гончарова «Обломова» // И.А. Гончаров: Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. — Ульяновск, 2003. — С. 71-81.
20. Имени тайная власть. — М., 1998. — С. 153-154.
21. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина / А.Н. Афанасьев. — С. 382.
22. Житиях Святых. — С. 676.
23. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. — М., 2003. — С. 421.
24. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман. — М., 1997. — С. 237.
25. Гачев Г. Национальные образы мира: Космо — Психо — Логос / Г. Гачев. — М., 1995. — С. 195.
26. Жития Святых. — С. 670.
27. Имени тайная власть. — С. 25-27.
28. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б.А. Успенский. — Изд. МГУ, 1982. — С. 31.
29. Славянская мифология. — С. 284.
30. Бидерман Г. — Указ. соч. — С. 237.
31. Мельник В.И. «Обломов» как православный роман // И.А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 185 летию со дня рождения И.А. Гончарова. — Ульяновск, 1998. — С. 157, 156.
32. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. — М., 1994. — С. 286.
33. См. об этом в работах Е.А. Краснощековой (Иван Александрович Гончаров: мир творчества. СПб., 1997. С. 321) и М.В. Отрадина (Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. — СПб., 1994. — С. 144).

Ермолаева Н.Л.
Ивановский государственный университет
Доцент кафедры русской словесности и
культурологии
NinaErmolaeva@yandex.ru

Ermolaeva. N.L.
Ivanov State University
Assistant professor, chair of Russian language and
cultural science
NinaErmolaeva@yandex.ru